

Город Тургенева.

А.С.Андреевский

Для русских Баден-Баден прежде всего — город Тургенева. Здесь он прожил, в добровольной литературной ссылке, почти все шестидесятые годы, сперва в меблированной квартире, а затем на собственной вилле. Здесь же, на этой вилле, написан и «Дым»—поэма Бадена. Тотчас по приезде в Баден, я занялся проверкою «Дыма» по всем его живым следам. Едва я вышел из отеля, как один петербургский англичанин посоветовал мне: «если хотите любоваться Баденом, то идите направо, по Лихтенталевской аллее». Лихтенталевская аллея! Она так часто упоминается в «Дыме, что я невольно взволновался, увидев ее перед собою. Здесь, под этими громадными, стройными деревьями, дающими вечную тень, по гладкому, твердому грунту этой аллеи—ходила Ирина. Вот боковая дорожка, извиная среди бархатного дерна, в прохладе журчащего Ооса. С этой дорожки, оставив Литвинова, Ирина свернула в Лихтенталевскую аллею, чтобы сделать придворный книксен перед завиденною ею издалека герцогиней. Как ярко все это мне вспомнилось! И, право, Ирина с своей синей вуалеткой казалась мне живее и несомненнее всей той нарядной толпы, которая неслась в эту минуту в ландо, шарабанах и колясках по Лихтенталевской аллее, мелькая из-за черной колонады древесных стволов, под густым шатром зелени.

По Лихтенталевской аллее я направился к курзалу, перед которым, как известно, начинается действие романа. Вот первая строка «Дыма»: «12-го августа 1862 года, в Баден-Бадене в четыре часа дня, перед известною Conversation...» и т. д. По поводу этой строки я должен сейчас же сделать грамматическое разъяснение. Иной гимназист может спросить учителя: какое русское существительное соответствует прилагательному «известная?» Что такое Conversation? Гостиница, что ли? Такому любознательному мальчику следует ответить, что русское прилагательное женского рода соответствует у Тургенева иностранному слову того же рода Conversation и что баденский Конверсационсгауз называется сокращено по-немецки Die Conversation, а по-французски La Conversation. Во времена Тургенева Баден был полуфранцузский город, как вследствие его близости к тогда еще французскому Страсбургу, так и вследствие бывшей между французами и баденцами давнишней симпатии. Здесь и поныне постоянно слышится французская речь. Из всех выдающихся немецких городов один только Баден до сих пор не имеет статуи Вильгельма I, а довольствуется только его бюстом. На улицах попадаются простолюдники с громадными черными эльзасскими бантами на голове.

Конверсационсгауз представляет собою высокое и длинное здание казарменного вида, под черепичною кровлею, с большими колоннами и маленькими окнами. Средний корпус его занят залами бывшей рулетки; в правом крыле помещаются читальни, а в левом - ресторан

и кофейная *si-devant* Вебера. Теперь эта ресторация сдается кургаузом неизвестному арендатору. Говорят, что Вебер жив до сих пор и что когда «Дым» появился в немецком переводе, то Вебер очень рассердился на Тургенева за отзыв Литвинова о его мороженом. Впрочем, и в настоящее время безымянный преемник Вебера, вероятно, пользуясь своей неизвестностью, не боится запятнать свою честь и продолжает угощать публику скверным мороженым.

Перед кургаузом тянется эспланада, по которой, во время музыки, широким потоком движется самая пестрая, большею частью расфранченная толпа. От эспланады спускается к Лихтенталевской аллее лужайка, окаймленная с трех сторон каштанами. Направо от Conversation, среди каштанов, идут два ряда лавок с разными модами, безделушками, писчею бумагою, конфетами, сигарами и т. п. Против кофейни возвышается весьма вычурный павильон для музыки,— чугунный, под зеленую бронзу,— так сказать, в сангалиевском вкусе. Вот и весь сад кургауза.

Но где же «знаменитое русское дерево» (*l'arbre russe*), играющее такую видную роль в увертюре «Дыма»? Помнится, в детстве, когда я читал «Дым», то чрезвычайно гордился, что у нас, русских, есть свое дерево в Бадене. Я мечтал, что когда сделаюсь большим и поеду в Баден, то прежде всего усядусь под этим деревом, как под нашею собственностью. Оно мне представлялось в виде старого дуба или развесистой липы, в особой ограде и с крупною вывескою на стволе. Но сколько я теперь ни ходил по саду кургауза, в какие уголки ни присаживался перед Conversation, нигде ничего похожего на русское дерево мне не попадалось. Повсюду были каштаны одного и того же роста и вида, рассаженные по ранжиру, без малейшей возможности почему-либо выделить хотя бы один из них. Так бы это дерево и осталось мифом, если бы я не встретил в Бадене такого знатока литературы и заграницы, как П. Д. Боборыкин.

— Вот, по-моему, русское дерево!—сказал мне П. Д., остановившись под четвертым каштаном от кофейни, у самой панели перед сигарной лавкой.

П. Д. объяснил, что в прежнее время, на его памяти, всегда в этом уголке собиралась русская знать. Свидетельство уважаемого романиста вполне подтверждается текстом Тургенева. В «Дыме» сказано, что Литвинов сидел за одним из столиков перед кофейной Вебера, в нескольких шагах от русского дерева. Если вы и теперь присядете за один из этих столиков, то именно в нескольких шагах от себя увидите каштан, растущий перед сигарной лавкой. По моему наблюдению, в четыре часа дня, во время музыки, вокруг этого каштана бывает наибольшая тень. Павильон для оркестра находится отсюда в самом близком расстоянии и, кроме того, тут же рядом имеются особые ворота сада, через которые большею частью входит только публика, подъезжающая в экипажах, т. е. отборная. Все это не оставляет никакого сомнения насчет дерева, отмеченного П. Д. Боборыкиным.

Сколько раз, сидя на месте Литвинова, я повторял про себя слова Тургенева: «Погода стояла прелестная; все кругом—зеленые деревья, светлые дома уютного города, волнистые горы,—все празднично, полною чашею раскинулось под лучами благосклонного солнца; все улыбалось как-то слепо, доверчиво и мило». Действительно, Баден, с окружающими, его лесистыми горами, изображает из себя чашу, раскрытую для лучей благосклонного солнца. С того же литвиновского места виднеются, под самым гребнем одной из гор, сероватые лысинки тех «Скал», спускаясь с которых Литвинов попал на пикник «молодых генералов» у подножия «Старого замка».

Прогулка пешком к «Старому замку» берет от полутора до двух часов. Тропинки для подъемов здесь вообще довольно крутые. По мере приближения к замку, все невольно снимают шляпу и вытирают шею. И вдруг, совершенно неожиданно, сквозь лесную чащу, открываются высокие стены развалин. Вы вступаете на площадку перед замком, как в тенистый, светло-зеленый зал, образуемый деревьями. На площадке — белые столики и стулья, точь-в-точь такие, какие описывает Тургенев. С одного места, где прорублен лес, открывается вид на Баден с его белыми домиками, далеко внизу, в прозрачной дымке. Здесь происходил пикник. Здесь, на этом небольшом пространстве, уже несомненно сидела Ирина, «скрестив руки на спинке отодвинутого стула...» Нельзя—не хочется верить, чтобы ее никогда не существовало.

Позади площадки возвышается древняя стена с готическим входом в руины. Весь замок состоит из пустых стен с дырками окон, да из каменных лестниц для восхождения в верхний этаж развалин и на башню. И когда, обозрев замок, вы возвратитесь на тенистую площадку и присядете к одному из столиков, то — совершенно так же, как повествует Тургенев, — услышите «тяжелый храп лошадей» и увидите туристов, приближающихся к замку в колясках. Так же подъехала к замку и великосветская компания, в которой находилась Ирина.

Видел я и Hotel de L'Europe, где проживали Ратмировы. Это — четырехэтажный белый дом, правильной и холодноватой архитектуры, во вкусе николаевского времени. На окнах почти всегда спущены жалюзи. Вестибюль гостиницы довольно величественный и входная лестница с перилами из красного дерева напоминает лестницу Михайловского дворца в музее Александра III.

Итак, я осмотрел все уцелевшие декорации «Дыма».

Но что же случилось с именем Тургенева в Бадене? Читается ли здесь его слава? Мне думалось, что Баден переполнен изображениями Тургенева и что на окне каждой книжной лавки я встречу экземпляр «Дыма». Но ни портретов, ни книги Тургенева нигде не видно. В «Баденском Листке», ежедневно печатающем все достопримечательности города, вовсе не упоминается о вилле Тургенева. Фотографий с этой виллы не существует в продаже и я с

большим трудом нашел фотографа, у которого случайно уцелел негатив снимка, заказанного теперешней владелицей виллы, графинею Бисмарк (совершенно чуждою фамилии канцлера). Мы с одним русским заказали себе несколько экземпляров этого снимка, хотя на нем, к сожалению, на веранде виллы, изображена графиня с своими знакомыми.

Вилла Тургенева расположена недалеко над Баденом, на Фремербергской улице или, вернее, на широкой дороге, ведущей в горы. Это красивая двухэтажная постройка во французском стиле, с обширным садом, почти парком, раскинувшимся по склону горы. Парк этот в настоящее время продается по участкам.

Не без труда удалось мне отыскать виллу Тургенева. По указаниям друзей, я дважды ходил на поиски и дважды ее не нашел, хотя, как оказалось, оба раза проходил мимо ее ворот. И не мудрено. Никакой надписи на доме нет, а у ворот вывешено объявление: «Отдаются меблированные комнаты». Впоследствии только я убедился, что в узоре железных ворот вплетены косые железные буквы *Villa Tourgeniew*. Буквы эти, одноцветные с узором, сделаны так неискусно, что даже, когда вам их покажут, вы не сразу разберете надпись.

С тем же русским приятелем, с которым мы заказали фотографии, проникли мы и в самую виллу. Ворота были раскрыты: мы вошли в сад и едва обогнули угол дома, как любезная хозяйка, догадавшись, что мы русские, выслала нам свою компаньонку с предложением осмотреть комнаты. Быть может, тут крылась и надежда сдать нам их в наймы, но приглашение было сделано в совершенно бескорыстной форме,—как поклонникам писателя. Внутри виллы ни одного стула, ни одной вещи из обстановки Тургенева не осталось. В обоих этажах планировка комнат одинаковая. Одна большая посредине и несколько маленьких вокруг. Почти в каждой из них мы встречали умывальники и кровати. Хозяйственные службы идут по фасаду, обращенному к улице, а жилая половина выходит в сад. Рабочий кабинет Тургенева помещался направо от веранды в небольшой угловой комнате нижнего этажа, с камином и двумя окнами, из которых видна роскошная и свежая зелень сада. Теперь здесь устроен дамский кабинет. В благоговейном молчании постояли мы в этом скромном приюте нашего художника и, выйдя из дома, спустились в парк.

Разнообразные и пышные деревья, несходные с отечественною растительностью, окаймляли дорожки. Но было что-то русское в облике этого сада, расположенного—как почти все тургеневские усадьбы— «на скате холма». Заглохший пруд виднелся в одном уголке чащи. Простая помещичья скамейка стояла под липой на одной из аллей. Живо представилось мне, как тихо бродил здесь, в минуты творчества, высокий и могучий Иван Сергеевич, с мягким выражением своего мечтательного лица. И жутко было нам переступать по его следам, под чудесными ветвями этих недвижных деревьев,— словно бы нам довелось проникнуть в запретный и таинственный сад убитого волшебника.

1898 г.

В кн.: Андреевский С.А. Литературные очерки. 4-е доп. изд. Спб.: «Новое время», 1913, с.280-288.

